

2

Аксель

Когда мне исполнилось семь, моего отца уволили с работы, и мы переехали в богемный город Байрон-Бей. До этого мы жили в Мельбурне, на третьем этаже обычной многоэтажки. Здесь же я почувствовал себя как на каникулах. Ходить босиком по улице или в супермаркете в Байрон-Бее обычное дело. Тут такая расслабуха, как будто время остановилось, и я влюбился в каждый уголок этого города еще до того, как открыл дверцу машины и задел сердитого мальчишку, моего соседа.

Оливер с растрепанными волосами и в мешковатой одежде выглядел как дикарь. Джорджия, моя мать, с удовольствием пересказывала этот момент на семейных встречах, когда все немного хватили лишнего, и добавляла, что ее первым порывом было искупать Оливера. Джонсы вышли как раз в тот момент, когда она схватила мальчика за рукав футболки. Мать сразу поняла, откуда ноги растут, когда увидела мистера Джонса в испачканном разноцветной краской пончо — сосед улыбался и протягивал руку. А объятия миссис

Джонс привели мать в полное замешательство. Мы с отцом и братом рассмеялись при виде ее застывшего лица.

— Вы, наверное, наши новые соседи, — сказала мать Оливера.

— Да, мы только что приехали, — кивнул отец.

Еще несколько минут они беседовали, однако Оливер не горел желанием познакомиться. Со скучающим видом он достал из кармана рогатку и камень, а затем прицелился в моего брата Джастина. Попал с первого раза. Я улыбнулся и понял, что мы отлично поладим.

3

Лея

Here comes the sun, here comes the sun. Эта песня снова и снова звучала в моей голове, только рисунки стали черными. Из них исчезло солнце. Остались темнота и прямые жесткие линии. Я почувствовала, что сердце бьется быстрее, хаотичнее, беспорядочнее. Тахикардия. Я смяла листок бумаги, выкинула его и легла на кровать, положив руку на грудь. Я старалась дышать... дышать.

4

Аксель

Я вышел из машины и поднялся по ступенькам до двери родительского дома. Пунктуальность никогда не была моей сильной стороной, и на все воскресные семейные обеды я приезжал последним. Мать взъерошила мне волосы и спросила, была ли родинка на моем плече на прошлой неделе. Отец закатил глаза и обнял меня, а потом пропустил в гостиную. Племянники обхватили меня за ноги. Джастин оттащил их, пообещав шоколадку.

— По-прежнему даешь взятки? — спросил я.

— Больше ничего не работает, — понуро ответил он.

Близнецы тихонько хихикали, и я едва сдержался, чтобы не присоединиться к ним. Маленькие дьяволята. Два очаровательных чертенка, которые весь день кричали: «Дядя Аксель, подними меня», «Дядя Аксель, спусти меня», «Дядя Аксель, купи мне это», «Дядя Аксель, застрелись» и подобного рода вещи. Из-за них мой старший брат начал лысеть (хотя никогда не признался бы, что пользуется средствами от выпадения волос). Из-за них Эмили — девушка, которая встречалась с моим

братом в старших классах и потом вышла за него замуж, — теперь носила удобные легинсы и пряталась за спокойной улыбкой, если один из ее отпрысков разрисовывал ей одежду фломастером или покрывал ее рвотной массой.

Я лениво махнул Оливеру и подошел к Лее. Она сидела за накрытым столом и разглядывала вьюнок на кромке тарелки. Я примостился рядом, дружелюбно толкнул Лею локтем, но она лишь бесстрастно взглянула на меня и ничего не ответила. Раньше улыбка на ее лице осветила бы всю комнату. Прежде чем я успел что-либо сказать, появился отец. Он поставил в центре стола поднос с фаршированной курицей. Я в замешательстве оглядывался по сторонам, но мама протянула мне миску с тушеными овощами. Я благодарно улыбнулся.

Мы ели и болтали о том о сем: о семейной кофейне, о сезоне серфинга, о последней инфекции, про которую где-то вычитала мать. Мы всеми силами избегали той самой темы, но она витала в воздухе. За десертом отец откашлялся, и я понял, что ему надоело притворяться, будто ничего не происходит.

— Оливер, сынок, ты хорошо подумал?

Все перевели взгляд на Оливера. Все, кроме его сестры. Лея вперилась в чизкейк.

— Решение принято. Время пролетит быстро.

Театральным жестом моя мать поднесла к глазам салфетку, но не смогла скрыть всхлипываний и ушла на кухню. Отец хотел пойти за ней, но я покачал головой и решил сам уладить ситуацию. Я глубоко вздохнул и оперся на столешницу рядом с матерью.

— Мам, не надо так, им сейчас нужна поддержка...

— Не могу, сынок. Это невыносимо. Что еще должно произойти? Какой ужасный, ужасный год...

Я мог ответить идиотской фразой типа «да брось» или «все наладится», но не осмелился: я знал, что это неправда и ничто уже не будет как прежде. В нашей жизни не просто что-то изменилось в тот день, когда мистер и миссис Джонс погибли в автокатастрофе, наша жизнь стала совсем другой. С двумя зияющими дырами, гноящимися ранами, которые никогда не затянутся.

С тех пор как мы переехали в Байрон-Бей, мы стали семьей. Мы. Они. Все вместе. Несмотря на различия. Джонсы просыпались каждое утро, думая только о сегодняшнем дне, а моя мама каждые пять минут переживала из-за будущего. Они были богемой, художниками, привыкли жить на природе, а мы знали только Мельбурн. Нередко на один и тот же вопрос они отвечали утвердительно, а мы — отрицательно; наши мнения расходились, мы спорили допоздна каждый раз, когда вместе ужинали в саду...

Мы были неразлучны.

А теперь все сломалось.

Мама промокнула глаза.

— И как ему пришло в голову оставить на тебя Лею? Разве нет другого выхода? Мы могли бы быстро сделать ремонт в гостиной и разделить ее на две комнаты или купить диван-кровать. Я знаю, что это не очень удобно и что Лея нуждается в личном пространстве, но, ради всего святого, ты же не способен даже за домашними животными ухаживать.

Я с некоторым возмущением поднял бровь.

— Вообще-то у меня есть питомец.

Мама удивленно посмотрела на меня.

— А, ну да, и как же его зовут?

— У него нет имени. Пока.

На самом деле у меня нет потребности владеть живыми существами, так что я слегка покривил душой, назвав питомца своим, но иногда на задний двор моего дома забредала тощая трехцветная кошка с выражением ненависти ко всему миру на морде. Она клячила еду, а я скармливал ей остатки ужина. Кошка появлялась три-четыре раза в неделю или, наоборот, пропадала надолго.

— Это будет катастрофа.

— Мам, мне почти тридцать лет. Черт возьми, я могу о ней позаботиться. Это самый разумный вариант. Вы весь день проводите в кофейне, а когда нет, то сидите с близнецами. И ей не придется год спать в гостиной.

— И что вы будете есть? — не унималась мама.

— Еду, блин.

— Придержи язык, сынок.

Я вышел на улицу, вытянул из бардачка смятую пачку сигарет и отошел на пару кварталов. Сидя на бордюре, я курил и смотрел, как ветер качает ветки деревьев. Мы выросли не в этом районе, и не здесь сплелись наши судьбы, превратив нас в одну семью. Оба дома выставили на продажу. Мои родители переехали в маленький дом с одной спальней в центре Байрон-Бея, рядом с кофейней, которую открыли более двадцати лет назад, когда мы только обосновались здесь. К тому же мы с Джастином съехали еще раньше, соседи погибли, а Оливер и Лея поселились в съемном доме, и моих родителей уже ничто не удерживало в пригороде.

— Я думал, ты бросил курить.

Я поднял голову и посмотрел на Оливера с полуприкрытыми от яркого солнца глазами. Выдохнул дым, Оливер сел рядом.

— Я не курю. Пара сигарет в день — это не курение. Как минимум по сравнению с настоящими курильщиками.

Оливер улыбнулся, вытащил сигарету из пачки и закурил.

— Ты конкретно попал, да?

Внезапно свалившаяся на меня ответственность за девятнадцатилетнюю девушку не в себе подходит под определение «попал». В тот момент я вспомнил, сколько Оливер сделал для меня. Начиная с того, что научил меня кататься на велосипеде, и заканчивая тем, что во время нашей учебы в Брисбене заступился за меня в драке, которую я сам и спровоцировал, и ему расквасили нос. Я вздохнул и затушил бычок об асфальт.

— Все будет хорошо, — сказал я.

— Лея может ездить в школу на велосипеде, а остальное время она обычно проводит взаперти в своей комнате. Я не могу ее оттуда вытащить, ты знаешь... Чтобы все было как прежде. И у нее есть несколько правил, но это я тебе потом расскажу. Я буду приезжать каждый месяц и...

— Не переживай, все выглядит не очень сложно.

У меня, в отличие от Оливера, другая проблема. Мне придется жить с кем-то, а я уже отвык от этого. И контролировать. Себя контролировать. Остальное решим по ходу дела. После аварии Оливер забыл про наш разнузданный образ жизни, ухаживал за сестрой и ходил на нелюбимую работу, которая обеспечивала приличный доход и стабильность.

Друг перевел дыхание и посмотрел на меня.

— Ты же позаботишься о ней, правда?

— Господи, конечно! — заверил я.

— Хорошо, потому что Лея... Она единственное, что у меня осталось.

Я кивнул. Мы понимали друг друга с полувзгляда: Оливер успокоился и понял, что я сделаю все ради благополучия Леи, а я понял, что Оливер доверяет мне, как никому на свете.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

